

РАТНЫЙ

БОЕВИК

— Е В П А Т И Й —

КОЛОВРАТ

Ратный боевик

Андрей Гончаров

Коловрат

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончаров А. А.

Коловрат / А. А. Гончаров — «Эксмо», 2017 — (Ратный боевик)

ISBN 978-5-699-95890-0

Рязанского воеводу Евпатия Коловрата не пугают ни отпетые разбойники, ни дикие половцы, ни дальние походы. Он на воинской службе давно, силы и доблести не занимать. Другое тревожило воина: измена в окружении князя, наветы, тайный сговор с врагами. И это накануне грозного нашествия монголов! Коловрат вместе с верными соратниками раскрывает готовящийся заговор и спешит в соседние земли, чтобы уговорить русских князей совместно выступить против надвигающейся опасности. Воевода еще не знает, что беда уже подступила к стенам Рязани и все, что ему остается, — беспощадно мстить коварному врагу за поругание русской земли.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95890-0

© Гончаров А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Гончаров

Коловрат

© Гончаров А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Этот мучительный сон приходил к Евпатию вот уже 14 лет, заставляя снова скрипеть зубами, метаться в ночи на дубовой кровати, стискивать до боли кулаки. Снова и снова он в этом сне лежал с залитым кровью лицом там, где сбили его с коня, где на шелом обрушился страшный удар татарского кривого меча, рассекая сталь и живую плоть. Отчаяние, невыносимое и дикое, заставляло его скрести пальцами по сухой степной земле, ломая ногти. А в глазах плыло безликое, затянутое пылью солнце, оглушали звуки страшной сечи, в которой конные степняки избивали русских.

Там, где киевские дружинники во главе с князем Мстиславом Романовичем уже третьи сутки оборонялись, закрывшись возами и рогатинами, все изменилось. Евпатий сквозь кровь, заливавшую глаза, видел, что киевляне вдруг сложили оружие и вышли в поле. И двинулись в сторону Днепра. И на них наскочили конные, и безоружных рубили, и конями топтали в чистом поле десятками и сотнями. И ничем не могли им помочь другие князья, как не помог им Мстислав, наблюдая из своего лагеря за Днепром.

Евпатий хрипел и стонал, кусая в кровь губы, и шарил слабой рукой по сухой траве в поисках меча. И не сном был, не видением столб пыли, поднимавшийся над камышами со стороны Калмиузской тропы. И как в песнях дряхлых сказителей, которых он слушал в детстве, из пыли вырастали новые и новые конные воины в развевающихся красных плащах, в начищенных шеломах. Казалось, само солнце раздвинуло тучи, чтобы заиграть на нагрудных пластинках брони, на наконечниках копей. Новые и новые воины появлялись и молча выстраивались, ровняя ряды. Вот изогнулся строй подковой, вот показались над шеломами три треугольных знамени – черное с золотом посередине и два красных по сторонам.

Замерли татары, с изумлением глядя на новых русичей. А три сотни воинов медленно и в страшном молчании двинулись на врага. Кони все убыстряли и убыстряли свой бег, степь начала дрожать от мерного глухого стука сотен копыт, опустились острия копий, как хищные жала, нацелившись на лютого ворога. И тут Евпатий видел, как заматались татары. Как замельтешили легкие конники, пуская стрелы в накатывающую железную волну русичей, как собиралась в железную стену им навстречу рядами тяжелая татарская конница. Вот упал один конь под воином, вот покатались еще несколько, сраженных стрелами. Вот слетел с седла молодой безусый юноша, хватаясь окровавленными пальцами за горло, откуда торчала татарская стрела.

Евпатий бегал горящим взором по рядам проносившихся мимо него воинов, узнавая их. Это были они – северные витязи. Лучшие мужи русских земель, мужественные непобедимые вои, о которых при жизни певцы-сказители разносили весть по городам и весям, восхваляя их подвиги на рубежах земли Русской. Вот пронесся, прикрываясь щитом и закрывая голову коню, ростовский Алеша Попович, и рядом по левую руку от него скакал его верный щитоносец Тороп. А вот и рязанец Добрыня Золотой Пояс, и отец Евпатия Лев вместе с ним стремя в стремя, и Еким Иванович, и другие суздальские, муромские, рязанские, пронские.

Еще зимой того 6731 года¹ отец Евпатия отправился в Суздальскую землю. И в славном Ростове, красном городе, собрались и совещались дружинники, служившие у разных князей. Все как один говорили, что на Руси брат идет на брата, русич бьет русича, что князья друг с другом не ладят на радость половцам, ляхам и другим иноземцам. И в этих усобицах князья отправляют дружины свои и мужиков-ополченцев избивать друг друга.

И на этом съезде дружинники положили ехать им всем в древнюю мать городов русских Киев и служить там только одному князю – князю киевскому. И уже в пути нашла их весть, что все южные князья вместе с князем киевским пошли к морю Синему походом на хана Чаго-

---

¹ Летосчисление в Средние века велось от Сотворения мира. По новому стилю (от Рождества Христова) 1223 год.

низа. И приняли северные витязи решение свернуть с главного пути в южные степи. И когда они вышли на Днепр и Калку к Залозному шляху, то увидели, как татарские воины нещадно избивают безоружных киевлян, отняв на честное слово у них оружие. И нет никакой надежды у киевских воинов добраться к Днепру.

Не остановить было этот страшный молчаливый бег сотен боевых коней, вселявший ужас. Евпатий приподнялся на руках, сколько было сил, и смотрел. И тихо молился. И вот ударилась волна железа о железную стену, взметнулась в воздух пыль, и лязг мечей и удары копий заглушили человеческие крики, а когда пыль начала рассеиваться, он понял, что русичи пробили брешь в рядах татарской конницы, смяли их ряды и неслись уже к Днепру. И уже мало их оставалось, когда снова стали они разворачивать коней навстречу степнякам. Но киевские дружинники безоружные уже достигли днепровских вод...

– Батюшка! Проснись, батюшка! Опять, небось, привиделось тебе, да?

Евпатий открыл глаза, шевельнул пересохшими губами, вглядываясь во встревоженные глаза дочери Жданы. Простоволосая, в накинутах на плечи платке, она держала в одной руке масляный светильник и другой рукой стискивала плечо отца.

– Что ты, что ты, ласочка моя? – хрипло пробормотал Евпатий. – Раны старые мозжат. Ступай к себе. Вот квасу выпью сейчас, и полегчает. Ты ступай к себе. Все хорошо.

Евпатий поднялся с кровати, отбросив шерстяное одеяло, прошел к лавке, где стоял кувшин с квасом. Ждана смотрела на отца с жалостью и нежностью. Высокий, широкоплечий, статный, густая темная борода с еле заметной проседью, курчавые непослушные волосы над пронзительными карими глазами, которые то огнем полыхают, то прямо в душу заглядывают. Одинокие бабы глаз с него не сводят, когда он на коне проезжает или стоит рядом с князем. А вот ведь не забыть ему своей голубушки Милавы. А ведь тяжело мужику без ласкового слова, теплой руки женской в доме. Дочь – это все не то. Невдомек было Ждане, что не те сны мучают ее батюшку, не о том его мысли.

Глава 1

– А-а, Ипатушка². – Кряхтя с деревянной непокрытой лежанки спустил ноги седой монах и подслеповато стал щуриться на вошедшего в деревянную низкую келью высокого широкоплечего воина. – Давно ты ко мне не заезжал, давно.

– Не сердись, отче, – тихо сказал Евпатий, подходя к монаху и обнимая его тщедушное тело. – Времена нынче тяжкие, беспокойные. Много дел.

Воин расстегнул пояс, стянул через голову перевязь меча и сложил все на лавку. Монах смотрел на него с улыбкой, чинно сложив на животе сухонькие руки. Было Стояну уже за восемьдесят. Знал он и отца Евпатия, и мать его. Не один десяток лет был дружинником у князей рязанских. А потом ушел. Принял постриг в Иоанно-Богословском монастыре, но не ушел в уединение и молитву, а часто виделся со старыми друзьями, стал духовником отцу Евпатия. А после гибели того в жестокой сечи на реке Калке 14 лет назад стал пестовать и его сына. Да и сам Евпатий старика любил, часто навещал его, иногда привозил и дочь Ждану в эти тихие места со старинными пещерами и чудотворным источником.

– Как ты, Никон? – спросил воин, окинув взглядом простую обстановку кельи с деревянной лежанкой, единственной лавкой и грубо сбитым столом под иконкой на стене и тусклой масляной лампадкой.

– А времена, Ипатушка, всегда беспокойные и тяжкие, – пропустил мимо ушей вопрос воина старик. – Нам от Господа даны испытания. И труды тяжкие, чтобы к вере прийти и укрепиться в ней. А все иное есть суета.

– Суета? – повысил голос Евпатий, и глаза его полыхнули недобрым огоньком. – Ты бы знал, Никон, как вокруг князя выются лживые и завистливые люди, как норовят сесть к нему поближе, ручку облобызать, да на пиру вкусно попить, да кусочек послаще получить да подарочек за сладкоречивые речи. А меня земля наша беспокоит. Не ровен час, вернутся степняки, и тогда полыхнут города, черным смоляным дымом беда поднимется над землями русскими. Так нешто сидеть сложа руки и речи пустые вести?

– Слова правильные говоришь, Ипатушка, только ведь не словами – деяниями славен человек. Слова есть дуновение ветерка, который уносит в степи и ароматы цветов, и запахи навоза скотского.

– А я про што? – угрюмо буркнул Евпатий, поняв, что снова начинает горячиться.

– Не этого боюсь я, – похлопал старческой рукой монах по мощному плечу Коловрата. – Гордыни твоей боюсь. Большой в этом грех. И гнев – тоже большой грех. С любовью к людям нужно, с лаской братской али отеческой. А ты громы раскатываешь, молнии мечешь. Так к сердцам людским пути не проложишь.

– Знаю, старче, – тихо ответил Евпатий и посмотрел в маленькое пыльное окошко, затянутое бычьим пузырем. – Только сердце не терпит. Чую, как волк, опасность чую. Беда близко.

– Не зря тебя Коловратом прозвали, Ипатушка, – с улыбкой сказал старик. – Ты и впрямь как солнцеворот, все норовишь на свой лад повернуть. Как водоворот на реке, все норовишь взбаламутить, вихрем проносишься. Сила в тебе большая, неукротимая.

– Эту силу я давно в себе коплю. С тех пор как меня из седла выбили, как мечом посекли на берегу Дона, не было дня, чтобы я силушку свою не пестовал, руку не укреплял. Нету в Рязани воина, который смог бы против меня устоять, хоть оконь, хоть пешим.

– Гордыня, Ипатушка, – с укором покачал головой монах.

– Да какая гордыня, Никон, – махнул Евпатий рукой. – Дело говорю. Только одно у меня в голове, старче, в сердце моем – защитить землю родную, когда мой черед придет. Для того

---

² Евпатий Коловрат крещен был греческим именем Ипатий. Евпатий – русское произношение греческого имени.

и живу! Не надо мне судьбы иной, только защитить земляков, не отдать на поругание веры нашей, матерей, сестер, детишек малых. Не гордыня это, сердцем говорю.

– Ну, тому так и быть. Так какими заботами тебя привело ко мне? По снаряжению походному вижу, что не погулять выехал, не с соколом поохотиться.

– По приказу князя Юрия Ингваревича. Я ему толковал про нашептывателей и певунов, про то, что предательство зреет в городе, что укрепления надо поправлять, пока нам время дадено. А он меня не послушал и отправил в дозор на границе владений. От лихих людишек дороги очистить да обозы охранять, что к князю с данью идут. Оно ведь тоже нужно, дело важное, только не слушает меня князь, а слушает шептунов!

– Ну-ну. – Монах снова положил воину руку на плечо. – Погоди маленько, Ипатушка. Не ровен час, осознает князь опасность. Не ты ведь один в ратном деле понимаешь. Еще кто подскажет, тогда князь и твои слова вспомнит, так и порешите ладом. Может, мне тебя квасом напоить? Хорош у нас квас в монастыре!

– Спасибо за ласку, Никон, только не до квасу мне. – Евпатий поднялся на ноги, и его голова почти уперлась в низкий почерневший от копоти потолок. – Я приехал просить тебя покинуть монастырь и перебраться в Рязань. Клеть для тебя и в моем доме найдется. А здесь опасно может быть. Не ровен час, татары. Пожгут, никого живым не оставят.

– Господь милостив, Ипатушка, – мягко улыбнулся монах. – А молиться лучше здесь, в этих стенах, в святой обители. И за наши души, а главное, за ваши, за Рязань, за князя, за весь люд от мала до велика. Такова наша доля. Не печалься, ступай своей дорогой, а нам свое написано.

– Ну как знаешь, – кивнул воин, сгребая с лавки пояс и перевязь с мечом.

Старый монах стоял прямой, подслеповатый и благообразный, как икона. Он смотрел на сына своего старого друга, каким тот стал мужем, крепким воином. А ведь в этом Никон тоже кое-что понимал, сам был дружинником когда-то. И как Евпатий был похож на Льва, своего отца. Такой же суровый, такой же крепкий, как матерый вепрь, и такой же неукротимый в своих стремлениях и помыслах. Он и вправду лучший из воинов, из тех, кого я знал, подумал старик и, подняв руку, перекрестил Евпатия, выходявшего из кельи. Сохрани тебя Господь!

Полусотня дружинников, спешившись, ждала воеводу в ближнем лесочке поодаль от монастыря. Евпатий шел по густой траве, поглядывая на птиц. Не метались над лесочком, не вились с криками, не уносились прочь от опасности. Не пропали даром труды Евпатия, из года в год учившего своих воинов ратным премудростям. Не видно людей, коней увели вглубь, в балочку, подальше от любопытных глаз проезжего путника. Костров не жгли, громких разговоров не вели, на виду не лежали. Тихо было в лесочке, как будто и не было там никого.

Евпатий по роду своему да по заслугам отцовским, а потом и своим трудом ратным, положение при рязанском князе занимал не малое. В число бояр ближних входил, в дружине княжеской был одним из старших воевод. Выше только сам князь рязанский Юрий Ингваревич да сын его Федор, поставленный над всей дружиной. И в этот поход с малым числом воинов, который можно было поручить любому сотнику, отправился Евпатий не только по приказу князя, а и по своей охоте. И из полка своего малого он велел отобрать воинов самых умелых, тех, кто и в открытом бою не оплошает, и лисицей по перелескам неслышно прокрадется, волком по степи рыскать будет, невидимо все примечая, к следу чужому принохиваясь.

Помощником своим он взял двух молодых умелых воинов. Полторака – удальца, насмешника и здоровенного детину, который кулаком бычка трехлетка с ног сбивал. И Стояна – угрюмого немногословного дружинника со шрамом через все лицо, полученным от половецкой сабли несколько лет назад.

Тихим свистом кто-то из дозорных оповестил о приближении Евпатия, и от дерева мгновенно отделился Стоян, как будто из земли вырос. Он сделал знак, и в тишине лесочка скрипнули ослабляемые тетивы луков. Среди деревьев, мелкого подроста и кустарника сидели,

лежали, поправляли снаряжение дружинники. Все опытные воины, все в кольчужных бармицах с наклепанными железными пластинами, у всех круглые легкие щиты, удобные для конного боя без строгого построения, когда каждый воин бьется с тем, до кого может дотянуться. У каждого кривая сабля, короткое копьё сулица, у многих луки в колчанах. Вооружение легкое, для скоротечного наскока, а не для открытого боя с вражеским войском.

– Как? – спросил Евпатий. – Тихо вокруг?

– Тихо. Мужики с возами из монастыря вышли. Мед повезли в Чернигов.

– Мед монахи делают добрый, – вспомнил Никона Евпатий и нахмурился. – К реке Воронеж пойдем, а дальше на север.

– Кого ищем, Евпатий?

– Ветра в поле. Недоброго ветра.

Кони тихо похрапывали, вскидывая головами и трясая гривами. В низинке было вдоволь сочной травы, и коноводы не мешали коням пастись, зная, что переход может оказаться очень долгим. Евпатий расположился под раскидистой старой ивой со Стояном, Полтораком и десятниками своего отряда. В Рязани он и словом не обмолвился, куда и зачем собрался идти с такой малой дружиной. Теперь же пришло время рассказать.

– Слушайте меня, други, – заговорил Евпатий, сидя на старой коряге, широко расставив ноги и поглаживая густую бороду. – Дело нам предстоит непростое, потому велел я выбрать лучших из лучших. И числом идем малым, потому как идти нам предстоит незаметно, скрываясь лесочками, балочками да под покровом ночи.

– На своей земле таиться будем? – удивился Полторацк, поигрывая диковинным кинжалом с кривым лезвием, взятым в бою у степняков.

– Потому и таиться будем, чтобы никто не знал о нашем походе. Ни свой, ни чужой. Свой сболтнуть может, чужой глаз сразу заподозрит неладное. Четырнадцать лет назад мой отец головушку свою сложил на реке Калке, где столкнулись мы с туменами татарскими хана Чогониза. Тогда они только появились в пределах земель русских. Появились и ушли. Думаю я, что проверяли они, как мы бьемся. Какова силушка наша. Многие поняли некрещеные. Поняли и то, что ладу промеж князьями на Руси нет. Три года назад ты, Полторацк, вот этот самый кинжальчик у кого взял? То-то! Из Сурожа он привезен, не в наших землях кован. А в прошлом годе полчища татар на булгарские земли, что на восходе солнца от нас, нахлынули и пожгли их.

– Татар ждешь, воевода? – спросил Стоян.

Дружинники повернули головы и посмотрели на Евпатия выжидающе. Многие о загадочных татарах знали лишь понаслышке и серьезно к этой опасности не относились. Кое-кто просто не верил в этих степняков. Воевода выждал паузу, размышляя, как рассказать своим воинам об угрозе, потом решил, что дружинники для него ближе всех, в бою и в походе, да и в мирной жизни в городе. Правда, есть дочь Ждана да жена Милава. Жена который год в сырой земле, дочь в городе, в доме. Так что полагаться здесь только на друзей своих, на дружинников. И понимать опасность они должны так же, как и сам воевода.

– Вот что я вам скажу. – Коловрат обвел своих командиров тяжелым взглядом, согнав улыбочки и ухмылочки с некоторых лиц. – В городе не сказывал, а здесь скажу. Не спокойно у княжеского престола, грязно. Многие мужи из ближних советников к князю, из воевод и бояр хотят других оттеснить, все блага только самим из рук князя получать. А потому в уши Юрию Ингваревичу нороят нашептать свое, вредное для города, для рязанцев. Они кого угодно в спину подтолкнут или ногу подставят. А опасность – вот она, близкая. Я ее чую, потому что у меня отметина на голове от татарского меча, потому что в душе у меня рана. Отец мой в бою пал от татарских мечей. И я истину говорю, которую шептуны нороят за ложь и недомыслие выдать. Близко татары, ой близко.

– Так в чем кручина твоя, Евпатий Львович? – засмеялся беспечно Полторак, сунув кинжал в ножны и поигрывая травинкой, зажатой в зубах. – Аль мы не сильны в сражении, аль мы разучились мечи да копья держать. Чай, не хворые, одолеем и татар. Нам бы только в поле широкое выйти, да коней прищпорить, да стяги княжеские распустить. Выйти дружинами, лепшей да передней³. Да ополчение рязанское и других городов за собой повести. Сметем, как ветер, любого врага. В землю втопчем копытами коней.

– Многие так думали, – угрюмо ответил Евпатий, помрачнев лицом еще больше. – И Мстислав Романович Старый, князь киевский. И князь черниговский Мстислав Святославович с сыном Василием Мстиславовичем. И князя Дубровицкий, Несвижский, Яновицкий. Двенадцать князей полегли со своими дружинами в чистом поле. Нельзя повторять нам ошибок тех, нельзя лить кровь русскую так, будто она водица.

– Нешто князь тебя не слушает? – растерянно пробормотал Полторак.

– Князь послал меня подальше от своего порога, – криво усмехнулся Коловрат. – Дабы не докучал ему и не тревожил его покоя словами нелестными. А послал он меня с делом важным: лихих людишек разогнать, главарей их на веревке в Рязань притащить на вече людское. Прекратить разбои на дорогах. Слыхали, что посольство черниговское разграбили, подарки дорогие порастащили? Только я думаю и о большем, други мои. Посматривать нам надо, не появились ли по лесам и перелескам следы копыт татарских.

– Только ли наушников княжеских ты опасешься, воевода? – спросил среди общего задумчивого молчания Стоян.

Коловрат посмотрел на хмурого воина. Молчалив Стоян, но мудр не по годам. И примечает все, что в походе, что в посадке. Иной раз и не замечаешь его, а он все видит. Верный человек. Когда он за спиной, можно ничего не опасаться. Верные люди были у Евпатия и в Рязани среди посадских, среди купцов и ремесленников. Многие его знали по совместным походам с ополчением, многие знали и по делам в мирное время, когда в ярых спорах на вече он брал сторону несправедливо обиженных и униженных.

– Страшнее наушников есть враг за стенами города, – ответил наконец Евпатий. – Не хочу напраслину возводить и поименно называть, но есть в Рязани люди, кто ждет степняков. Кто надеется властвовать в княжестве Рязанском не по праву, а по прихоти и чужой воле. Змеи зашевелятся, когда час настанет. Вот чего опасаясь, вот почему в тайне цели нашего похода держал. Вот почему рта не открывал за стенами рязанскими. И вы о том помните, други мои.

Маленький отряд Евпатия несколько дней пробирался незаметными звериными тропами, уходя все дальше на юг. Они то разделялись десятками, то собирались снова вместе. И когда показались воды реки Воронежа, Коловрат готов был уже отдать приказ поворачивать коней на восход солнца и идти к границам княжества на востоке. Но тут прискакал дозорный воин и, с ходу осадив коня так, что тот присел на задние ноги, выпалил, показывая рукой на залесенные речные излучины:

– Там, воевода, несколько коней бродят с построшками оборванными. Некоторые хромают, как будто бабки отшибли. Так бывает, когда конь с повозкой на колени падает. Кони тягловые, под седлом не ходили. Шеи стерты от ярма.

– Оборваны, говоришь? – насторожился Евпатий. – А ну, покажи, где видел. Всем здесь меня дожидаться.

---

³ «Старейшая» дружина являлась не воинским подразделением, а уже сословием. Ближайшие советники-бояре при князе, посадники, воеводы. Все вышли из опытных, проявивших себя дружинников. Лепшая (лучшая) дружина – своего рода гвардия, основная функция которой сопровождать князя, встречать гостей, составлять почетную охрану. Передняя – основная сила профессионального войска князя. Составляла ударное ядро среди набираемого в случае необходимости ополчения. «Молодшая» дружина – как правило, дети старых дружинников, заслуживающие доверия отроки городской знати. В боевых походах участвовали, но, как правило, до серьезного боя не допускались. Основные функции – охрана княжеских палат, уход за конями и снаряжением старших дружинников и обучение ратному ремеслу. (Сергеевич В. И. Вече и князь (Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей). – М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1867.)

Следуя за воином, Коловрат доехал до опушки леса. Здесь они остановились в зарослях орешника и посмотрели вниз на реку. Сначала воевода ничего не увидел, но, приглядевшись, все же различил что искал и мысленно похвалил зоркого и приметливого дружинника. На песке у отмели лежало тело человека. Судя по рубахе, это был не воин. И порты на ногах были свободны до щиколоток. Ни сапог, ни лаптей с онучами⁴. Песок возле тела человека потемнел. Чуть дальше валялся рваный крапивный мешок. А потом Евпатий увидел двух лошадей, одна из которых хромала на переднюю ногу, потом еще трех, бродивших по зарослям ивняка. Постромки и правда волочились за лошадьми. Этих животных никто не распрягал.

– Пришли мне Полторака, – тихо велел воевода, продолжая из-под руки рассматривать берега реки.

Людей он не видел. С реки тянуло свежестью, но оттуда доносились и совсем другие, еле заметные, запахи. Опытный воин, Евпатий умел различать такие приметные запахи, как конский пот, запах крови. Сильно тянуло мокрым костром. Мокрая зола пахнет сильно, пока не высохнет. Значит, костер там на берегу заливали не позднее сегодняшнего утра.

Обернувшись на еле слышные звуки, с которыми конь Полторака ставил копыта на толстую лесную подстилку, слезавшуюся за многие сезоны, Евпатий одобрительно кивнул. Так тихо подойти со спины, да еще на коне, мало кто умел. Правда, ветерок тянул от Евпатия в сторону дружинника.

– Звал, воевода?

– Посмотри-ка туда, Полторака. – Евпатий показал черенком плети на ту часть берега, где видел тело и нескольких брошенных коней. – Либо там злодейство сегодня утром совершилось, либо мне это мерещится. Возьми-ка пару десятков воинов и спустись туда вон там, за лесочком, где спуск пологий. Может, и дорога там тележная найдется. Только когда спустишься и к бережку выйдешь, замри. Замри и будь готов в сабли взять всякого, кто ворохнетя и руку навстречу тебе подымет. Я с остальными отсюда открыто поеду. Если там есть люд недобрый, им одна дорога от меня – тебе навстречу бегством спастись. Тут ты их и встретишь. А до того замри, как и нет тебя там.

– Понял, – весело улыбнулся Полторака. – Лисицей прокрадусь, хорем притаюсь. Ни одна курочка не выскочит! Когда стану на место, кукушкой прокукую четырежды и еще четырежды.

Три десятка конных воинов собрались за спиной Коловрата. Он ждал сигнала, чтобы, не торопясь, с наигранным спокойствием спуститься всей гурьбой к водопою. Пусть те, кто не хочет встречи с группой русичей, пытаются скрыться. Полторака им не пройти и не обойти. Ну а коль кинутся навстречу с оружием, тут им всем и остаться, на этом бережку. Евпатий несколько раз сжал и разжал кисть руки в кольчужной рукавице, размял сыромятную кожу на ладони.

Вот эхом донеслись из лесочка с берега четыре крика кукушки и отдались по кронами деревьев. И еще четырежды прозвучал сигнал Полторака. Евпатий махнул рукой и коленями тронул коня. Волчок тряхнул ушами, чуть повернув голову, покосился на хозяина нечестивым глазом. Конь предстоящей битвы не чувствовал и шел спокойно, хотя и сторожко поводил ушами и не позвякивал беззаботно удилами. Как он это чувствовал, предстоит ли схватка, Евпатий не понимал, но доверял боевому товарищу, с которым ходил в походы уже шесть последних лет.

Десяток дружинников вытянулись в линию и стали спускаться вниз к реке следом за воеводой. Каждый изображал беспечность, оружие на виду никто не держал. Но умением быстро уловить опасность, услышать скрип тетивы, шорох одежды, когда враг заносит руку для броска копья, обладал каждый. И каждый умел в мгновение ока перебросить щит на левую руку и закрыться от неожиданного удара. А если надо, то и прикрыть голову коня. И меч из ножен

---

⁴ Онучи – своего рода портянка, которой обматывалась нога, а поверх обвязывалась оборами – шнурками из лыка.

выдернуть, и шпоры дать, чтобы развернуть коня. Многие умели воспитанные и обученные Евпатием воины, потому и верил в них воевода, потому и выбрал в этот поход самых лучших.

Два десятка воинов замерли наверху в зарослях кустарника, готовые в нужный момент ринуться в атаку и смять одним ударом врага, коли таковой найдется, но на берегу было по-прежнему тихо. Евпатий приблизился к краю густого кустарника. Волчок был спокоен, значит, ни человека, ни зверя. Сделав знак рукой, чтобы дружинники рассыпались по сторонам, он двинулся дальше, внимательно осматривая траву под копытами коня и не забывая поглядывать на деревья. Разбойный люд был горазд на всякого рода ловушки, частенько мастерил самострелы, которые калечили людей и коней.

– Ну что? – спешиваясь и останавливаясь возле трупа мужика на песке, спросил Евпатий у своих воинов.

– Следов много, – первым заговорил Полторак. – Конные нападали. Телеги брошены, все пустые. Там возле телег еще шестеро возчиков зарубленных. Это те мужики, что из монастыря мед в Чернигов повезли.

– Кони подкованные? – сразу же спросил Евпатий.

– Да, – отозвался Стоян. – Все кони с подковами. Кованы на юге. Есть киевские, есть половецкие.

– Татары своих коней не подковывают⁵, – пробормотал Евпатий, разглядывая труп мужика. – Значит, свои тут бесчинство творили. Этот до воды добежать не успел, копьем догнали. Пойдем посмотрим на возы.

Под деревьями стояли четыре телеги, а вокруг разбросана солома, которой они были внутри выстелены. Березовых туесов с медом не было. Несколько вывернутых холщовых мешков валялось рядом. Евпатий поднял один из них, поднес к лицу и понюхал. Мешок пах салом. Видимо, мужики в дорогу с собой взяли еду, но и ее унесли неизвестные убийцы. Тела убитых возчиков лежали в беспорядке. Но, приглядевшись, Евпатий понял, что тех просто застали врасплох. Мужики попытались встретить нападавших в топоры, но силы оказались неравными. Да и нападавшие располагали луками со стрелами и короткими копьями – сулицами, предназначенными для метания.

– Здесь стрел не было, – сделал вывод Стоян, наклоняясь к каждому телу и рассматривая раны. – Сулицами били, мечами рубили и кололи. Мужики хорошо сражались, думаю, что двоих разбойников они ранили. Вот у этого и вон у того рукава рубах в крови. Видать, топорами отбивались и кое-кого посекали. А топоры разбойники унесли с собой. Они тож дорого стоят. Продать можно. Нет, не половцы это. Наши, русские. И коней нескольких не взяли. Обуза им. Тягловые лошади, быстро не ходят, да и бабки им побили, когда дрались тут.

– А может, спешили куда-то, – поддакнул Полторак. – Так, между делом на возчиков напали. Потому что те им под руку подвернулись.

Один из воинов присел на колено возле убитого возчика и что-то поднял с земли. Подойдя к воеводе, он молча показал ему ладонь со своей находкой. Там лежали три кольца от кольчуги. Повреждения были рубленые, но без крови. Значит, не этим утром их разбили. Кольчуга явно старая, когда-то с воина снятая. Да и ухода за ней не было, ржа на кольцах виднелась.

– Стоян, – Евпатий кивнул на тела, – оставь пару своих. Надо похоронить. Негоже христиан оставлять так. Потом пусть нас догоняют, а мы вдогонку за разбойниками пустимся. Полторак, отправь вперед несколько дружинников из тех, у кого глаз зорче, слух острее, кто в следах понимает.

---

⁵ Татаро-монголы не подковывали своих лошадей. Половцы ко времени появления вблизи границ Древней Руси уже знали о подковах, имея тесное общение с востоком. Они много покупали у восточных народов, включая и вооружение и подковы. Научились ковать и сами. (Плетнева С. А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.)

Пока дружинники Евпатия рассматривали место побоища, коноводы дали лошадям попасть. Сами воины ели в седлах, чтобы не терять время. Когда солнце поднялось в зенит, передовой маленький отряд нашел наконец следы ушедшей на север ватаги разбойников. Полторак, подъехав к Евпатию, перекинул ногу через седло и, сидя небрежно боком на коне, стал рассказывать:

– Десятка два конных, без обоза, шли этой дорогой. А вон там со степи к ним присоединилось еще несколько десятков всадников. Не иначе как замыслили они что-то большое, пожгут кого и разграбят. Зачем такой оравой собираться, когда отрядами маленькими сподручнее напасть и уйти в степи или леса?

– На север пойдут, на Большаны, – покачал головой Евпатий. – Или на Гречевский Посад. Там в это время обозы купеческие, что из Муром в Рязань и Чернигов идут в большом количестве, останавливаются. И гостей знатных можно встретить и с востока, и с запада.

– А наша ль забота? – усмехнулся Полторак. – Пусть там их свои князья встречают. Нам Рязанскую землю оборонить, а те, что мимо идут...

– А в Муроме что, не русские люди живут? – резко бросил Евпатий, сверкнув глазами. – А мордва – не люди? Иль там дети и бабы плакать не станут? Негоже так рассуждать, Полторак! Крестик нательный носишь, крещен в земле Русской, а поносные слова говоришь, как безродный.

Полторак опустил голову, перекинул снова ногу через седло и уселся верхом. Понял молодой воин, что сказал не подумав, что лихость порой разум затмевает. Знал, что Евпатий Коловрат сурово судит не только поступки, но и помыслы. Доверие его потерять просто, потом заслужить его вновь будет нелегко.

– Ты не серчай, воевода, – пробормотал Полторак. – Это я так, по молодости дурной сказал. Сам знаешь, не впервой вместе в поход идти, за любого обиженного кровушки не пожалю. Чай, испытывал ты меня не раз.

– Слово не воробей, – с упреком ответил Евпатий, – рот не душло, а голова не гнездо сорочье.

Отряд Коловрата шел по следу разбойников уже несколько часов. В полдень, судя по следам, к тем присоединилась еще одна группа всадников, числом в пару десятков человек. След стал так заметен, что идти по нему не ошибаясь мог и отрок малолетний. Не верилось Коловрату, что разбойничья шайка вот так открыто будет идти по землям рязанским с черными помыслами и не таясь. И точно. Через час разбойники разделились на три группы и пошли раздельно, но придерживаясь одного направления.

– Цель близка, не иначе, – заключил Коловрат, осматриваясь по сторонам.

Поднявшись на ближайший холм, он приложил руку к глазам и стал смотреть на восток, потом на север. Места были знакомые, довелось тут Евпатию проходить два года назад, сопровождая князя. Они тогда собирались в Муром на стол с соседними князьями, но Юрий Ингваревич решил предварительно заехать в земли мордовские. Заручиться поддержкой, если такая понадобится против своих же князей. Да, эта дорога шла на Гречевский Посад, Евпатий помнил ее. Еле заметная в это время года колея от повозок, утопающая в густой траве, вытоптанная местами копытами коней. Дорога протянулась краем леса, потом огибала его и спускалась в обширную низину. Низину за лесом сейчас не видно. Помнится, там бил в камнях родник и путники сделали из камней большое корыто, для лошадей. Ледяная родниковая вода там нагревалась, и ее можно было пить распаленным животным.

– Ну, други мои, кажется, мы нагнали эту кровавую свору, – удовлетворенно сказал Коловрат. – Место для ночевки хорошее, да и не видно костров будет со стороны. Думаю, там они и заночуют, в той низиночке.

– Их набралось уже около семидесяти или восьмидесяти всадников, – с сомнением сказал Стоян. Уместятся ли они там все с конями.

– Как бы и не больше, – кивнул Евпатий. – Ты, Стоян, вышли дозоры вправо и влево от нас. Не ровен час, заметят они нас случайными разъездами. А ты, Полторак, отправь самых ловких к той низинке. Пусть разведают, что там да как. Скоро смеркаться будет, а в сумерках все серо, как сермяга.

Дружинники, оставшиеся с воеводой, спешились и держали коней в поводу, успокаивая и не давая храпеть и ржать. В перелеске несколько десятков конников были невидимы и неслышны. Несколько воинов ушли вправо и влево от перелеска рыскать и высматривать, а не попадет ли случаем разъезд разбойников или запоздалый отряд, спешащий к своему предводителю. Отряд они пропустят, сосчитав коней и оружие. А вот разведчиков придется либо захватить живыми, либо убить.

Евпатий сидел на пне, оперев подбородок на сложенные на рукояти меча руки. Небо над головой медленно теряло краски, серело. А над горизонтом, наоборот, разливалось дивным светом и розовело. По всем закатным приметам, по застывшему вечернему воздуху – завтра быть дню солнечному и тихому. Тихо пересвистывались птицы по кустам, в соседнем перелеске с треском перелетела сорока и замолчала на ветвях. Воевода ждал. Если все так, как он ожидал, то на рассвете он ударит со своими дружинниками. И не будет пощады никому. За разбойные дела, за пролитую невинную кровь наказание одно – смерть. Или отрубание руки, что тоже сулило в большинстве случаев смерть.

Тихо, очень тихо затопали обернутые тряпицами копыта лошадей. Евпатий поднял голову. В сумеречном неверном свете, когда сливались в серости очертания деревьев и людей, появилось движение, тихо свистнул дозорный дружинник. И вот на полянку въехали двое воинов. Ловко и беззвучно спрыгнув с коней, они подошли к Евпатию и присели перед ним на одно колено.

– Там они, воевода, – заговорил старший дружинник. – Много их. Костров почти не жгут, а коли жгут, то небольшие и прикрываются плащами. Кони не расседланы, только подпруги ослаблены. И сами сапог не снимают.

– Сколько насчитали?

– По коням так поболее восьми десятков. Может, и пешие есть.

– Это возможно, – кивнул Евпатий. – Утром они нападут на Гречевский Посад, значит, их тут могли ждать и пешие разбойники, собравшиеся из окрестных лесов. И они наверняка выслали дозоры к Посаду. Будут наблюдать всю ночь, смотреть, сколько там воинов из купеческих сторожевых отрядов и как обозы пропускают внутрь. Жечь сразу не станут, так они добро пожгут.

Из-за деревьев появился Полторак. Быстрым шагом приблизился, вытирая на ходу тыльной стороной руки взмокший лоб. Его могучая грудь вздымалась от быстрого и долгого бега. Евпатий с удивлением посмотрел на воина:

– Ты что, коня обогнать пытался?

– Конь копытами стучит слишком громко, а я своими сапожками как лис по степи пробежал, – улыбнулся Полторак. – Коня я своим воинам оставил, а сам к тебе. Еще два отряда подошли к злодеям. Всадников двадцать. И лагерем встали вон в том лесочке. А ближе к реке я переправу видел. Думал, лоси вплавь пошли на этот берег. А теперь думаю, что не лоси это. Это с того берега подмога к ним пришла. И на берегу под крутым яром затаилась сейчас.

– Много их, большую силу собрали, – усмехнулся Евпатий. – Купцам и не справиться с такой силой. Вырежут они утром всех поголовно в Посаде, разграбят обозы и в степи уйдут, по лесам тропами растекутся. А потом в Сурож⁶ продадут добро, на оружие выменяют. Да

---

⁶ В настоящее время город Судак в Крыму. В XII–XIII веках этот город принадлежал Византии и был важным торговым центром и значительным транзитным пунктом на Великом шелковом пути. В 1206 году город переходит под управление Венецианской торговой республики, но фактически им управляли кипчаки.

женщин на Лукоморье⁷ сведут на продажу, детишек, кого в живых оставят. Хочу вам сказать, други мои! – Голос Коловрата стал твердым. – Помните, с кем биться идете. Это псы ночные. Псы кровожадные. Они столько душ христианских погубили, что подумать страшно. И еще погубят, если мы их здесь не побьем, в этой низинке, в лесочках этих. Это псы без роду и без племени. Там и русичи, там и степняки, все, кто не трудом праведным, а разбоем, кровью людской живет. Помните, други, от кого народ свой оборонять пришли. Страшный враг у нас нынче!

– Так, может, сейчас и ударим? – предложил Полторак. – Они нас не ждут, из темноты мы, как волки, врежемся в стадо и подбрюшие им перережем.

– В темноте много не сделаешь, – отрицательно покачал головой Евпатий. – Если бы заранее разведали их силы. Да и управлять боем в темноте да в неизвестном месте трудно. Запомни, Полторак.

– Так что, дадим разбойникам на Посад напасть?

– Торопыга ты, – усмехнулся воевода. – Сделаем мы вот как...

Ночь прошла спокойно. Звезды мерцали над головой холодным блеском, и казалось, что их холод забирается под кольчуги, холодит железо мечей и наконечников копий. Кони дремали, опустив головы. А когда небо только-только стало светлеть над горизонтом, когда над рекой стал пушиться белый туман, в лагере дружинников уже никого не было.

Низинка, через которую проходила дорога, была обширной и одной стороной выходила к реке. Там, у самой воды, полтора десятка разномастно одетых воинов лежали на песке, ежась и кутаясь в шерстяные плащи. Дремавший у самого откоса бородатый детина прижимался щекой к древку короткого копья и боролся со сном. Его глаза слипались, он ронял голову на руки и снова поднимал ее, шепча проклятия и сплевывая себе под ноги. Тихая тень мелькнула на фоне чуть светлеющего звездного неба и упала на плечи бородача. Негромкий хрип, посыпались мелкие камни – и тело дозорного перестало биться. Поднявшийся на ноги дружинник вытер об одежду убитого нож и сунул его в ножны на поясе. Тихо и медленно он вытянул из ножен меч. Справа и слева от него по склону стали спускаться еще тени. Одна, вторая, третья, четвертая, пятая...

Кто-то из спавших на берегу поднял голову и позвал кого-то по имени. Больше он не смог произнести ни звука. Меч вошел ему в горло, и разбойник захлебнулся кровью, задержался под прижимающими его к песку коленями дружинника. Поднимались и опускались мечи. Тихо вскрикивали убиваемые сквозь ладони дружинников, зажимающих им рты. Тихо лязгнул металл, кто-то еще хрипел, а дружинники уже вытирали мечи об одежды своих жертв, совали их в ножны и начинали подниматься по склону снова наверх, к своим коням.

Евпатий сделал знак Полтораку, и молодой воин повел своих людей вдоль низинки. Десять самых метких лучников расположились в кустарнике наверху. А внизу было пока еще темно, даже не различались контуры человеческих тел. Евпатий ждал первых проблесков зари, ждал, когда чуть посветлеет, и тогда он начнет то, что можно сделать половиной сотни его воинов против превосходящих сил врага. Правда, врага злобного и беспощадного, но не столь умелого в открытом бою. Да и вооруженного кое-как. И командирами не обученного. В таких разбойных ватагах слабые и неумелые погибали сразу во время скоротечных схваток. Выживали и успешно грабили на дорогах те, у кого был талант во владении оружием, кто обладал силой, природной сметкой. И этим пренебрегать было нельзя. Евпатий ждал.

Небо светлело. Вот внизу зашевелились люди, кто-то надсадно кашлял, кто-то ворчал вполголоса, пинками поднимая своих же товарищей. Вот уже различимы стали фигуры людей, коней. Подавать команды голосом, имитировать крики животных и птиц Евпатий не всегда

---

⁷ Знаменитые невольничьи рынки и базары, на которых торговали морские и сухопутные разбойники, куда привозилась контрабанда. Располагались в низовьях Днепра на излуцинах Азовского и Черного морей.

любил. Часто эти звуки скорее выдавали твои намерения, нежели их скрывали. И сейчас один из воинов по его команде ударил несколько раз кремнем по кресалу. Еще и еще. Сноп искр, хорошо видимый лучниками и притаившимися конниками и абсолютно невидимый из низинки разбойными дозорными, был приказом начинать.

Тихо пропели спущенные тетивы. Десяток стрел свистнули в полумраке раннего утра и исчезли внизу. Несколько дозорных разбойников повалились на землю с пронзенными стрелами шеями, грудью. Новые стрелы легли на луки, и снова тихо пропели спущенные тетивы. Несколько человек из активно двигавшихся в низинке и явно отдававших приказы упали с воплями и стонами. Начали кричать и метаться вооруженные люди вокруг них, поняв, что их обстреливают из луков. Еще немного, и первая паника уляжется, и схватившаяся за оружие толпа ринется наверх пешими и конными.

И в третий раз пропели тетивы луков, но теперь уже оперенные стрелы вонзились в крупы и шеи коней, собранных в нескольких местах коноводами. И тут же дикое ржание заполнило ночную балку, кони начали бить ногами, хрипеть и метаться от боли. Они били копытами, расталкивали других коней, топтали людей. Еще миг, и десятки лошадей уже металась среди людей, не давая тем разобраться в обстановке и понять, а где же враг. К воплям раненых животных теперь добавились истошные крики людей, бряцавших оружием, поспешно натягивающих кольчуги и другую бронь, кто какую имел.

И в этом шуме и гаме со стороны Гречевского Посада по дороге в низинку въехали конные. Двадцать пять дружинников молча пришпорили коней, развернулись в шеренгу и понеслись прямо на обезумевших лошадей, на мечущихся людей. Низко пригнувшись к гривам своих коней, держа в руках мечи, дружинники начали рассыпать по сторонам удары. Мечи секли и коней, и людей, внося панику и вселяя в сердца разбойников суеверный ужас. Двадцать пять умелых и хладнокровных воинов пронеслись по низинке из конца в конец и развернули своих коней. За ними остались распростертые тела. Вместе с лучниками они уменьшили число разбойников в низинке почти на треть. И еще больше внесли в их ряды паники.

Второй атакой дружинники внесли паники еще больше, потому что они теперь ударили с другой стороны. И потерявшим всякую ориентацию разбойникам теперь казалось, что их атаковали и с противоположной стороны, что их окружили и молчаливо истребляют. И произошло то, на что так рассчитывал Евпатий Коловрат: разбойники струсят. И они трусили! Кто-то вскакивал на коней, кто-то бежал к реке, а со склонов летели и летели новые стрелы, догоняя бежавших, сбивая с седел тех, кто пытался биться. И снова в шуме и криках по низинке смертельным вихрем пронеслись дружинники с окровавленными мечами. Летели наземь обезглавленные тела, падали люди с отрубленными руками, рассеченные надвое от ключицы и до пояса. Еще несколько минут, и все было кончено.

Стиснув зубы, Коловрат сидел на коне и смотрел, как русичи избивали русичей. Опять, опять ненавистная сеча. Пусть они убийцы и разбойники, пусть на каждом из них кровь невинных, но они все равно оставались своими, русичами. И иначе поступить было нельзя. Только с корнем выдирать сорную траву, только полоть, чтобы земля была чистой. И все же беспокойно было на душе у воеводы. Русская кровь лилась.

Евпатий пришпорил коня и погнал его по склону вверх. Теперь он слышал шум битвы и в соседнем перелеске. Пятнадцать воинов он отправил туда, чтобы отрезать еще одну шайку разбойников, которая пришла вечером на соединение с этой ватагой, которую только что здесь почти всю перебили. Там сейчас Стоян, хладнокровный, расчетливый, подобрался к спящим. Со Стояном были самые рослые и сильные воины. В лесу верховым воинам сражаться трудно и почти бессмысленно. И поэтому Стоян подошел к лагерю разбойников пешим со своими дружинниками. Силы были почти равны, ну, может, разбойников было чуть больше. Но что они могли противопоставить железной стене, ошестинившейся копьями.

Дружинники вышли из тумана и, продвигаясь между деревьями в зловещем молчании, стали убивать всех, кто встречался им на пути. Почти сразу лагерь поднялся на ноги, разбойники кинулись за оружием. Еще немного, и на шеренгу дружинников ринулась толпа бородатых и взлохмаченных разъяренных людей. И тут же они наткнулись на острия копий. Мастерство владения оружием было слишком неравным. Бородачи степняки валились под ноги дружинников, хватаясь за пронзенные груди и животы. Копья застревали в их телах, и из ножен с холодным лязгом вытягивались мечи. Дружинники бились сосредоточенно. Ворога было числом больше, и оплошай лишь чуть-чуть – сомнут и порубят всех. Они рубились, тесно прижимаясь плечом к плечу, сталкиваясь щитами, лишь бы не оставить бреши в своих рядах. Без ненависти, большей частью с безразличностью, как будто дрались с бешеными псами.

Металл бился о металл, кричали раненые и изувеченные. Уже большая часть разбойников стала разбегаться, перестав биться и бросая оружие. Кони с перерезанными удилами испуганно разбежались по лесу. Стоял остановился посреди лагеря разбойников и вытер лоб рукой. Все было кончено. Около тридцати убитых или еще корчившихся умирающих валялось среди кустов и стволов деревьев. Немногие скрылись в чаще леса, и вряд ли они еще вернутся сюда. Солнце медленно поднялось над кронами деревьев, озаряя с удивлением места странной битвы, окровавленные трупы, залитую кровью людей и коней вытоптанную траву. И мощную фигуру Евпатия Коловрата, с мечом в опущенной руке, объезжавшего место побоища на своем Волчке. Среди убитых он видел не только русских, но и много половецких воинов. Сброд. Разбойники. Люди без рода и племени. Как кровожадные звери, рыскали по землям рязанским, сколько бед принесли, горя...

Глава 2

У западной стены рязанского детинца⁸, где высокий берег омывался рекой Трубеж, для княжеской дружины была отведена небольшая площадь. Здесь тешились, кто с мечом, кто с копьем, умелые воины, здесь учили молодых владеть конем, рубить с седла, стрелять на скаку из лука. Евпатий Коловрат в одной кольчуге, надетой на стеганный подкольчужник, бился с мечом против двух противников. Это была уже третья пара противников, с которой он бился без усталости, не останавливаясь. И эти двое молодцев, обливаясь потом, уже еле держали мечи, отбивая мощные удары воеводы.

Князь Юрий Ингваревич стоял, засунув пальцы под широкий с серебряными бляхами пояс, и смотрел на бой с улыбкой, кивая головой. Он повернул голову к дружинникам, сопровождавшим его в выезде в нижний город, и сказал черноволосому высокому детине, возвышавшемуся над другими чуть ли не на голову:

– А ты, Андрей, выступишь ли против Коловрата пешим да с мечом?

Дружинник ухмыльнулся и потер крутое плечо. Надо было что-то отвечать. Князь любил в своем окружении людей смысленых, быстрых на слово и на поступки. Но опрометчиво заявлять, что он способен победить в схватке на мечах самого Евпатия Коловрата, было неразумно. А соглашаться, что он не выстоит, опасно.

– Живко хитрее Коловрата, княже, – выручил кто-то из дружинников. – Коловрат силен, но нужна еще и ловкость.

– Удальцы, – усмехнулся князь, наблюдая, как двое дружинников, сражавшихся с Коловратом, подняли левые руки ладонью вперед, показывая, что прекращают схватку. Все, кто стоял поблизости от князя, переглянулись, пытаясь понять, кого же он имел в виду. То ли воеводу Коловрата и его противников, то ли Андрея Живко с другим дружинником, который так легко судил о мастерстве владения мечом Евпатия. Князь подошел к дружинникам, отдохнувшим после схватки, благосклонно кивая.

– Против тебя никто не устоит, – сказал он Коловрату. – Никто из тех, кого я знал. Вижу, что устали не знаешь, обучая ратному делу своих дружинников.

– Так ты ведь мне, княже, доверил полк в передней дружине. Как против врага выступить, коли я в своих воях не буду уверен, что они будут биться так же, как и я. А потом ведь им же доверю я и ратников из ополчения посадского обучать. Времена лютые грядут, княже. Нельзя иначе.

– Тише, тише, Евпатий, – поморщился князь и взял воеводу под руку, отводя в сторону, к самой стене, где поверху по бревенчатому настилу ходил сторожевой дружинник. – Зачем народ баламутишь? Ну какие вороги нам страшны, скажи ты мне на милость! Да у меня с моими братьями да князьями соседних земель вместе такое войско наберется, что никто даже близко подойти не посмеет.

– Так я же о городе, о рязанцах радею. О полях и лесах наших, не топтанных чужими конями, – горячо заговорил Коловрат. – Послушай меня, княже. Дело ведь советую! Нюхом чую, что татарский хан Батыга ножи на наши земли точит. В степи темно будет, если он со всеми своими туменами нагрянет. И где нам отсидеться, пока полки других князей не подойдут. Ведь время нужно на все.

– Так я же и не против того, чтобы загодя усилия приложить, – вздохнул князь, грустно улыбаясь с терпеливой миной. – Но ты же от меня требуешь такого!

---

⁸ Детинец – центральная часть города в средневековой Руси, своего рода внутренняя крепость с защитным валом и высокими стенами. Во время набегов врага использовалась для укрытия населения города, собиравшегося за стенами детинца. Примерно с XIV века в летописях детинцы городов чаще стали именоваться кремлями (кремниками).

– Нужно запасы камня пополнить, которые на вражеские головы сбрасывать со стен придется. А камень, что был, весь на строительство пошел. Нового-то не завозили!

– Так это же сколько подвод понадобится, Евпатий, – поднял глаза князь. – Что мне люд рязанский скажет, когда в поле страда...

– Так ведь для себя же люди и постараются, – перебил князя Евпатий, опомнился и смиренно склонил голову: – Прости, княже, но ведь не о себе пекусь.

– Хорошо, хорошо, – раздраженно постукивая по земле носком сапога, обшитым красным сафьяном, согласился Юрий Ингваревич. – Говори, чего хочешь.

– Камня привезти. Новые лестницы справить, чтобы сподручнее было и споро на стены поднимать и камень, и смолу горячу, которую на ворога лить придется. Да и самой смолы натопить нужно. В двух местах стены поправлять нужно. Сгнили бревна, удара каменье, что издалека враг бросать умеет, не выдержат. Ворота вторые ставить нужно, запасы стрел малы. Сулицы все на охотничьи выезды порастащили бояре да старшие дружинники. Дальние разъезды посылать надо, княже. К самым границам земель рязанских. Как только одного татарина на аркан возьмем, так, почитай, у нас времени на подготовку совсем не останется. Значит, близко Батыга-хан. Ополчение собирай, княже. Пусть ратный люд справу себе готовит. Кто топор, кто меч, кто кольчугу залатает.

– Так ты лазутчиков уже татарских ждешь, что ли? – с усталым удивлением посмотрел на воеводу князь. – Так ты же сам только-только вернулся из похода. И кроме разбойных ватаг никакого другого врага и близко не видел. Ты, Евпатий, меня от дел не отрывай, слишком о многом думать надо. Приди к Федору Юрьевичу, поговори, расскажи, что у тебя на уме. Он старший воевода и ближний ко мне советчик. Или ты сыну моему не доверяешь? Или он себя в бою не показал?

– Помилуй, княже, воевода Федор Юрьевич – храбрый воин, он за родную землю жизни не пожалеет. Не о том моя печаль, а о том, что опыта у него мало. Он ведь считает, что татары войском подойдут и на излучине встанут, нашего войска поджидая. Дабы сразиться в чистом поле. Так ведь не свои князья поспорили и дружины в чисто поле вывели удаль показать да силой помериться. Коварен враг и жесток. Он как хорь в курятник войдет, тайком, и душить будет всех, а хозяин и не ворохнет.

– Хозяин? – Лицо Юрия Ингваревича стало холодным, как железная маска-личина на боевом шлеме. – Волю взял, Евпатий! Приблизил я тебя по заслугам твоим. Ценю за храбрость, удаль ратную. Не суди, воевода, о том, что не твоим умом суждено быть должно. Я князь рязанский! Я с Батыем всегда договориться сумею. И не только с ним. Для чего войско в чужие землю ведут, скажи мне, воевода? Чтобы врага ослабить, чтобы казну пополнить. А не для того, чтобы это войско под стенами чужого города оставить на радость воронью и волкам. Думай, что говоришь. Будет сила за Батыем – откупимся, заплатим. И ему свой народ не изводить, и нам тризну не справлять. А как увижу, что нет в нем той силы, о которой ты говоришь, так побьем его. Да еще и откупиться велим и свою казну пополним! Так-то, воевода!

Князь еще раз строго глянул на Коловрата, сокрушенно покрутил головой и пошел к своим советчикам, расправляя длинные усы, всем своим видом показывая, что Коловрат его очень разочаровал сегодня. Евпатий смотрел вслед князю и кусал губы. Опять договориться не удалось, опять князь его не услышал. Да и сын его, Федор, тоже не слушает воеводу Коловрата. На пирах чарки поднимает и хвалится, что нет такого врага, которого он бы не одолел. Хороший воин Федор Юрьевич, ничего не скажешь, да только мало этого, чтобы сокрушить сильного и хитрого врага. Опыт нужен большой. А он не на пирах набирается, не криками на княжеских советах копится.

От свиты княжеской отделился статный дружинник, блестя начищенным зеркалом, и вежливо, с улыбкой чуть склонил голову, глядя на Коловрата. Евпатий хмуро кивнул и отвернулся. Андрей Живко не нравился ему. Слишком он старается князю на глаза попасться, услу-

жить. Негоже воину поклоны бить и заискивать, а вот дочь Ждана любила этого человека без памяти. И ничего с ней не поделаешь. Не слушает слова отцовского, избаловал ее Евпатий. Иногда он думал, что Живко далеко пойдет, приблизит его князь и дочь в женах у Живка в достатке жить будет. И при князе опять же. Да только вот сомнения брали Евпатия. Вправду ли Андрей Ждану любит, нужна ли она ему?

– А ну! – взревел Коловрат страшным голосом, когда князь и его свита удалились. – Давай четверо, у кого поджилки не трясутся!

Меч в его руке взвился и молнией пронесся сверху вниз до самой земли. Аж ветер пошел по траве, да клинок свистнул молодецки, рассекая воздух. Дружинники переглянулись нерешительно. Всяким видывали они воеводу, особенно те, кто постарше годами, знали, что горяч он. Но сегодня что-то уж очень страшен был Коловрат, глаза горели, как угли, и также жгли на расстоянии. Силища в его руках играла и резвилась, аж дух захватывало.

Первым гикнул и соскочил с бревна, на котором сидело несколько дружинников, Полторак. Скинув на землю шолом, он закатал рукав рубахи по локоть, вытащил из-за пояса кольчужную рукавицу и натянул ее на правую руку. Он весело поглядывал, как у воеводы желваки ходят на скулах, и разминал руку, помахивая клинком вокруг меча, то вроде ударяя врага, то пуская клинок крылом птичьим.

Молча поднялся угрюмый и сосредоточенный Стоян. На голову ниже Полторака, он был шире в плечах и стоял на своих чуть кривоватых ногах так, будто никакая сила его сдвинуть не сможет. Он взял меч двумя руками и направил на воеводу. Третьим вышел старый дружинник с седыми усами ниже подбородка. Он был без кольчуги, в одной рубахе, и держал в руках не меч, а половецкую саблю. Для рубки страшное оружие, если им уметь владеть.

Трое противников разошлись в стороны, охватывая Коловрата полукольцом, как волки обходят уставшего запаленного оленя. Неторопливо, с уверенностью, что не долго ему сопротивляться. Только воевода не был оленем, он был сильным, умелым и неутомимым противником. И первый же удар Полторака подтвердил это. Дружинник нанес удар, целясь в голову воеводы, но клинок Коловрата сверкнул как молния и отбил удар с такой силой, что Полторак еле удержал в руке меч. И в тот же миг Стоян с третьим дружинником бросились в атаку. Два ответных удара обрушились на их оружие, и тут же клинок со скрежетом задел кольчугу Стояна.

Старый дружинник бился, твердо стоя на одном месте, демонстрируя выдержку и удивительное умение. Даже Стоян и пришедший в себя Полторак на некоторое время замерли, залюбовавшись этой схваткой двух умелых воинов. Удар следовал за ударом, отбивающий атаку клинок тут же наносил ответный удар, металл сверкал на солнце, и глаз не успевал следить за мечущейся сталью. И вот дружинник сделал обманное движение своей саблей, и всем показалось, что Коловрату не успеть отразить рубящий удар в бок. Но воевода как вихрь крутнулся на каблуке своего сапога, ушел под руку своего противника и нанес ему страшный удар локтем в грудь, отбрасывая в сторону. Дружинник охнул и упал на зрителей, рассеявшихся на старых бревнах.

С веселым гиканьем Полторак кинулся в атаку, подмигнув Стояну. Коловрат мгновенно отбил один удар, ушел от второго и переместился в сторону, и Стоян оказался между ним и Полтораком. И сколько дружинники ни старались, им никак не удавалось разойтись и напасть на воеводу с двух сторон. Но бой закончился неожиданно, как будто Коловрату надоело это занятие. Он вдруг отбил меч Полторака и нанес такой страшный удар, что и Полторак, едва успевший поставить свой клинок под меч Коловрата, и Стоян, безуспешно пытавшийся обойти своего товарища и напасть на воеводу, оба повалились на землю.

– Все! – рявкнул Коловрат и вогнал меч в землю на целый локоть.

Он повернулся и быстрым шагом пошел мимо конюшен вниз к своему дому. Среди дружинников повисла тишина. Особенно переглядывались потрясенные молодые воины. Те

шестеро, которые дрались с воеводой попарно. Они-то думали, что умело выстояли столько времени против него, а на самом деле Коловрат просто играл с ними, играл, как кот с мышами.

Коловрат шел быстро, гремя кольчугой. Он был сумрачен, как ненастный день. Разговор с князем не давал ему покоя. Как уговорить князя Юрия, как убедить его? Какие еще найти доказательства того, что опасность близка. Или князь прав? Может быть, и в самом деле все не так мрачно, как виделось Коловрату? Татары побоятся сунуться в земли русские, а если сунутся, то князя всегда смогут договориться с ханом. На то они и князя!

– Батюшка! – услышал он звонкий голосок и обернулся.

От стайки отделилась одна из девушек и подбежала к Евпатию. Она обхватила руку отца своими руками и прижалась щекой к его плечу.

– А мы идем на берег хороводы водить.

– Хороводы? – с сомнением переспросил Евпатий и посмотрел на топтавшуюся в стороне группу юношей.

Многих он знал, они были сыновьями уважаемых мужей в Рязани. Кто купец, кто боярин княжеский. Главное, что среди них Коловрат не видел Андрея. Захотелось сказать теплые слова дочери, приголубить ее, но с уст сорвались лишь строгие слова:

– В лес нынче не ходите. Опасно. На берегу похороните – и назад. До сумерек вернись!

– Да, батюшка, – улыбнулась девушка и посмотрела на отца так, что Евпатию показалось, что Ждана понимает его состояние, что ее не удручает сухость отца. Видит, в каких он заботах постоянно. Видит и жалеет его. Как она сейчас похожа на свою покойную матушку.

Девушки со смехом побежали вниз по улице мимо оружейных и шорных мастерских. Парни двинулись следом, оборачиваясь на сурового воеводу. Коловрат двинулся в сторону дома неторопливым шагом. Раздражение проходило, уступая место усталости и какой-то опустошенности. Нельзя сдаваться, понимал воевода, но и нужно давать себе время на отдых от забот, иначе сердце надорвется, сгорит душа, сам себя сожжешь.

В доме было пусто. Пусто стало тогда, когда умерла Милава. Родила Евпатию дочь, и забрал бог ее душу к себе. Дочь выросла на руках у кормилицы, стала такой же красавицей, как и мать, а в доме все равно пусто. Евпатий поднялся по ступеням и прошел через гридницу в свою горницу, сбросил на лавку кольчугу. Постояв у постели, он пошел по дому. Прошмыгнули смешливые девки, отправившиеся трясти во дворе постель, за окнами дворовая птица подняла гам и била крыльями. Никого из домашней челяди было не видно.

Евпатий в задумчивости прошел на женскую половину. Постоял у двери в светлицу, потом отворил ее. Посреди комнаты в свете четырех окон сидела женщина, возрастом чуть моложе самого Евпатия, и вышивала. Евпатий понял, что это платье из приданого его дочери. А ведь сама Ждана должна готовить себе приданое. Таков обычай. Но упрекнуть ее кормилицу Лагodu у него язык не повернулся. Совсем молодой она вошла в дом Евпатия. Тогда, шестнадцать лет назад, она потеряла грудную дочь. И потому что у нее было молоко, ее и позвали выкармливать Ждану. Так и осталась Лагода в доме Евпатия. И не мачехой, и не холопкой. Глядя на то, как Ждана относится к Лагоде, Евпатий понимал, что они как подружки, как сестры, хотя Лагода и считает Ждану почти своей дочерью. И любит ее как дочь. Прижилась она в доме Евпатия, да и он привык. Знал, что люб ей.

Лагода повернула голову на скрип открывающейся двери и вскочила с лавки, замерла, глядя на хозяина своими серыми глазами, как облаком охватила. Опустила на лавку рукоделие, неслышно приблизилась и положила свою невесомую руку Евпатию на плечо.

– Тень на челе твоём, Ипатушка, – мягко прозвучал голос женщины. – Неужто не заслужил ты отдыха на службе княжеской. Измотался весь, почернел лицом. Может, я велю затопить баньку?

Рука Лагоды разглаживала рубаху на его плече, стряхнула соломинку. Волосы, чуть тронутые ранней сединой, прибраны под платок, что этой весной Евпатий привез ей из Чернигова

в подарок. Ровно жена или мать родная, невесело усмехнулся Евпатий. И в который уже раз подумал, чего он ищет, чего желает, когда все в доме вроде бы и есть. Ан нет, томится душа, рвется. Нет ей покоя.

Она пришла, когда перед сумерками вернулась Ждана с подругами. Дочь что-то веселое рассказывала кормилице, и они смеялись в горнице. Потом вечерили, девки носились с самоваром, бегали в подклети за кислым молоком. Потом все улеглись, и Лагода пришла. Евпатий лежал на спине в чистой рубахе после бани. Тело размякло, и дышалось полной грудью. Он знал, что она придет сегодня. Так уже было, и не раз. Лагода будто чувствовала, что ему сейчас очень нужна женская ласка, женское тепло. Как бы силен ни был ее хозяин, но даже у железа, и у того есть свой предел, когда оно лопается, разлетается на осколки. И тогда его перековывают. Разогревают и проводят снова через студеную воду и жаркое горнило. И снова оно наберет былую крепость. Как сызнава.

Скрипнула половица. Евпатий поднял голову и увидел Лагоду в белой рубахе до пят, с распущенными волосами. Быстро семеня ногами, она подбежал к его ложу и остановилась в ожидании. Он видел, как в темноте поблескивают ее глаза, чувствовал запахи трав и сладковатых масел, исходящих от ее тела. Он представил, как она недавно мылась в бане, как ополаскивала свое пышное белое тело, как умащивала себя, прикусив нижнюю губку.

Евпатий протянул Лагоде руку, и тут же перед его внутренним взором появилась не кормилица его дочери, а красавица Доляна. Высокая, стройная, черноволосая. Воспитанница князя жила в тереме Юрия Ингваревича на женской половине и была ему как дочь. Выросла и расцвела она на глазах Евпатия. И ранила его своими черными быстрыми глазами и задорным смехом прямо в сердце. Было это всего лишь раз прошлым летом.

– Ипатушка, – со стоном выдохнула Лагода, приподняв шерстяное одеяло и юркнув под него. – Соколик мой...

Евпатий обнял податливое белое тело, всматриваясь в черты лица склонившейся над ним женщины. Ее волосы щекотали ему кожу, ее круглое бедро прижималось к его ноге, пышная грудь распласталась по его груди. Он вздохнул и прикрыл глаза, чувствуя, как женская рука гладит его по щеке, как горячие губы Лагоды шепчут ему на ухо нежные слова. Как ее пальцы скользят по его лицу, разглаживая складки возле губ и глаз, как она водит пальцами по его губам, бровям.

Лагода всегда находила нужное время и нужные слова. Она приходила в его постель очень редко. Сама. Они никогда не разговаривали с ней о своих отношениях. Ни до, ни после. Она была не похожа на других женщин. И покойная жена Коловрата Милава, и другие, которые у него были после ее смерти, они всегда отдавались его ласкам, его желаниям. И только Лагода умела ласкать сама, и это Евпатию нравилось. Она приходила как сладкий сон, погружала его в пучину наслаждения и так же тихо исчезала. И потом он видел только ее глаза. Внимательные, теплые. Каждый день он встречал ее в доме и понимал, что Лагода наблюдает за ним, беспокоится за него. И как только поймет, что совсем тяжело стало княжескому воеводе и отцу ее любимой Жданушки, снова придет ночью.

Сегодня Лагода была странной, какой-то печальной. Она меньше целовала Евпатия и больше гладила его руками. Она ластилась к нему и пыталась заглянуть в глаза. Было сегодня в ней что-то покорное, умоляющее. Что произошло? Уж не больна ли?

– Ласочка ты моя, – прошептал Евпатий, приподнимая лицо Лагоды за подбородок. – Что ты?

– Не губи любовь, прошу тебя, – отвечала женщина, пытаясь потереться о его грудь лицом и прижать его пальцы к своим губам. – Вспомни себя, ведь сердцу не прикажешь, а коли прикажешь, то сердце можно остудить до последнего дня своего.

– Да что с тобой?

– О Жданушке говорю, о кровиночке нашей.

– Ты об Андрейке Живко говоришь мне? – нахмурился Евпатий.

– Люб он ей, не надышится она им. И Андрей души в Жданушке не чаёт. Голубок с голубицей. Не губи.

– Да хорошо ли ты его знаешь? – со вздохом спросил Евпатий. – Откуда знать тебе, что счастливица Ждана с ним будет?

– А они сами поймут, им сердечки подскажут. Ведь любовь она свыше дается, она не разумом понимается, она через сердце проходит. Ты приглядишься к нему, Ипатушка, может, и глянется он тебе. И статен, и при князе все время, в милости его. Ты ведь не вечен, придет время, когда другой должен будет о твоей дочери позаботиться. Ты сердце-то свое не ожесточай, помягче с ними, помягче. Ведь любовь, она любовью к нам и возвращается.

– Ну хорошо, – сдался Евпатий. – Ты за Андрейку как за сына своего просишь.

– Я не за него, я за кровинушку нашу, за Жданушку тебя прошу.

– Ну, ну... – прошептал Евпатий, притягивая к себе Лагоду. – По-твоему будь.

И она застонала, обхватила его лицо мягкими душистыми ладонями и принялась целовать так, как будто больше им не увидеться. Ее тело трепетало в сладкой истоме, сердце билось так, будто Евпатий был сейчас ее первым мужчиной. И в ответ на его ласки, на его прикосновения она выгибала спину и в голос стонала. И жаркая волна возбуждения накрыла Евпатия и увлекла его, как в пучину. И весь мир в этот миг перестал для него существовать. Он перевернул Лагоду на спину, впился огненными губами в ее губы, накрыл ее пышную грудь своей широченной сильной ладонью...

Масляный светильник горел на столе в оружейной лавке, освещая бородатые лица двух сидящих друг против друга мужей. Один рыжеволосый, с прищуром в глазах, вертел в руках кинжал, то пробуя лезвие на остроту, то взвешивая его в руке. Второй, степенный, со шрамом через угол глаза и щеку, сидел, уперев кулак в бок, стиснув в другой руке шапку с собольей опушкой.

– Ивар! – крикнул из-за стола рыжеволосый. – Носит тебя...

Большая комната терялась во мраке, куда не доставал свет маленького светильника. На стенах тускло мерцали кольчуги, кованые зеркала, железные шлемы-шишаки, которые все чаще стали появляться в русских городах из вольной степи. Мечи, кинжалы, наконечники, перевязи и ремни лежали по столам вдоль стены. Из низкой двери в дальнем углу комнаты высунулось длинное сухое лицо с жиденькой бороденкой:

– Ты никак звал меня, Алфей?

– Ты чего еще здесь? – недовольно спросил хозяин лавки.

– Так ведь ты сам мне велел счесть, сколько кузнец нам наконечников привез. Ну. Вот...

– Хватит полуночничать! Только масло жжешь без толку да свечи. Завтра проверишь.

Запирай двери да ключи мне принеси.

– Это я сейчас! – обрадовался помощник. – А и то, не вижу уже... на ощупь разве что.

Слуга исчез. За стенкой он громыхал железом, явно торопился. Потом, кланяясь в пояс, поднес хозяину связку ключей на железном кольце и, получив разрешение, быстро исчез из комнаты. В глубине грохнула тяжелая дубовая дверь, послышался голос кого-то из холопов, с лязгом задвинулись запоры.

– Ты говорил, что в лавке никого? – лениво спросил человек со шрамом. – Негоже мне у тебя тут при твоих людях показываться. Разговоры пойдут, сомнения одолевать станут, веры не будет.

– Мои люди верные, они мне преданы, как псы, – откладывая кинжал, заявил Алфей. – Ну, сказывай, какие новости принес из степи?

– Не я принес, ветер принес, – без улыбки ответил человек со шрамом. – Я только перекажу, как сам слышал.

– Не тяни постромку, Наум, – покачал головой рыжеволосый, – порвешь ненароком.

– Нашему князю не долго осталось в Рязани сидеть, – стиснув еще больше шапку, ответил человек со шрамом и ударил кулаком по столу.

– Ан степняки чего решили против Рязани? Не впервой вроде?

– Ты меня слушай, Алфей, – понизил голос Наум. – Я воевода, я на коне держаться выучился раньше, чем ногами ходить. Степняки, да не те! Орда большая на нас идет. Слышал небось, что болгарские города кто-то пожёг? То-то! И к нам уже соглядатаи повадились. Все вынюхивают, выведывают. Я сам их не видал, но верные люди доносили мне. Видели их.

– Так что же нам за корысть, Наум? Ты воевода, ты боярин княжеский, ты все знаешь, что в высоком терему думается и сказывается. Чего нам-то ждать?

– А ждать вам, люду посадскому, может, и смерти лютой да разорения. А может, еще сытнее жить будете да вольготнее.

– Это как же понять тебя, Наум? Я вот хотел бы сытнее жить. Мне разор ни к чему!

– Во-от! – вытянул вверх указательный палец воевода. – И не ты один таков. Многие не хотят разорения Рязани. А чтоб такому не бывать, надо договориться со степным народом. Им же тоже пить, есть хочется. Им коней надо подковывать, им рубахи да портки тоже носить. Они придут и первым делом спросят: а что, рязанцы, подчинитесь нашему хану? И ежели князь Юрий Ингваревич ногой топнет и скажет, что не бывать тому, тут и пожгут город. И всех смертным боем побьют степняки от мужей до стариков, до младенцев и жен наших.

– Так неужели князю и посоветовать некому? Уж очень у нас князюшка нерешителен да смирен.

– Есть советчики, Алфей. Да только как одно советуют князю, так и другое тоже. А нам надо, чтобы вокруг князя собрались люди, которые отговаривали бы его за меч браться. Нам надо уговаривать князя, чтобы с миром принял степняков. От нас не убудет, а город спасем.

– И много таких вокруг князя, Наум?

– Да сколько ни есть, а все мало. Надо верных людей собирать. Может, на вече голоса понадобятся, может, вовремя князю на ухо прошептать слова нужные. А может, кому и рты позатыкать, пока не поздно. Уж больно горячие есть.

Глава 3

Столы выставили прямо на траве слева от красной лестницы, где вечернее солнце не пекло головы дорогих гостей. Дневная жара спадала, с реки потянуло свежестью и запахом рыбы. Князь Юрий Ингваревич Рязанский во главе стола расправлял плечи и с наслаждением посматривал на своих гостей. Уважали его за ум, за смелость, за то, что не растерял земель рязанских, за то, что смиренно было в его владениях, и народ не роптал, и на вече в Рязани хулу ему не кричали и в спину не плевали.

Падок был до лести князь, широким жестом велел снова и снова наполнять кубки хмельными душистыми южными винами. Слушал Юрий Ингваревич, как его славили гости дорогие, сам поднимал во славу их свой кубок из серебра. И как не поднимать, когда за одним столом сидит с ним гость любезный князь Георгий Всеволодович Владимирский. Да за ними Давыд Ингваревич Муромский да Глеб Ингваревич Коломенский. И князь Олег Красный, и Всеволод Пронский.

– Всею силою русской встанем! – громогласно заявил князь владимирский, принимая из рук холопа большой ковш с вином, которым тот разливал хмельной напиток по кубкам именитых гостей.

Приложившись к ковшу, князь Георгий сделал большой глоток и передал ковш дальше. Расправив усы, поднял над головой кулаки, погрозил в сторону восточных стен.

– Мы ль не сила, когда вместе, когда воедино все. Забудем все раздоры, князья русские. Перед лицом любого врага встанем стеной на рубежах наших.

– Сила! – вторили голоса за столом, и князья вместе с боярами хлопали друг друга по плечам и гулко били кулаками в спину. – Заступим врагу все пути на нашу землю! Не бывать такому, чтобы русич русичу не помог!

Евпатий Коловрат сидел среди рязанских бояр, каждый раз вместе со здравицами поднимая свой кубок, но пил мало. Он больше поглядывал по сторонам и прислушивался к разговорам. Гул за столами стоял сильный, но если присмотреться да внимательно последить за губами, то становилось понятно, что Георгий Всеволодович, часто наклоняясь к плечу рязанского князя, говорит ему не о битвах и не об оружии, а об охоте на лису. И Всеволод Пронский, обнимая первого воеводу рязанского Федора Юрьевича за плечо, шепчет ему не о степняках. Не иначе, хвалит красоту жены Федора княгини Евпраксии. А Федор Юрьевич только кивает с довольным видом и подбоченивается.

Мало, ох мало за этим столом сейчас говорили об опасности, что грозит всем русским землям, о сплочении. А ведь для того и собрались князья. Евпатий присматривался к боярам и видел, что каждый говорит о другом, свои дела обсуждают. Нет единства, не ждут врага, все выгадывают что-то. Евпатий поставил кубок, похлопал по плечу сидевшего рядом с ним сотника, прибывшего с Всеволодом Пронским, и встал с лавки. На него никто не обратил внимания, и Евпатий прошел к стене княжеского терема, постоял, выжидая, не пойдет ли кто за ним следом, не смотрит ли кто в спину. Нет, никому нет дела, что это один из первых воевод рязанских вдруг из-за стола встал в разгар пира.

Ивар, надвинув шапку низко на глаза, ждал Коловрата у коновязи. Он быстро глянул по сторонам, покусывая травинку, и подошел к воеводе.

- Ну? – Евпатий с тревогой смотрел в лицо Ивара. – С чем пришел?
- Недоброе у нас, Евпатий. Прав ты был. Пауки зашевелились.
- Говори! – хмуро потребовал воевода.
- К хозяину моему Алфею вчера боярин приходил.
- Который?

– Могута. Этот, у кого шрам вот так через лицо, воевода ваш. Они сначала оружие смотрели, перебирали все на столах, а потом, как лавку я закрыл, они в горнице у Алфея сидели и об измене говорили. Я под окном сидел, все слышал.

– Что говорили?

Лошади, привязанные к кольцам у крайнего столба, начали шевелить ушами и похрапывать, косясь на Коловрата. Животные как будто почувствовали его раздражение, угрозу, исходящую от него, злость, клекотавшую у него внутри. Ивар снова покрутил головой по сторонам, вытянул шею, заглядывая поверх лошадиных спин.

– Алфей сказывал, что будто вести пришли из степей. Скоро татарский хан придет, будет выкуп с огородов русских требовать. А тех, кто выкуп платить не будет, тех хан пожжет. А тех, кто заплатит, тому земли русские в княжение оставит. И спрашивал Алфей Могуту, много ли при князе Юрии советчиков, кто не хочет войны со степняками, кто хочет миром порешить и миром хана встретить.

– И что Могута?

– Могута сказывал, что есть такие.

– Бояре ближние сытые стали, – зло проворчал Евпатий. – Воевать им не хочется, потому как доходы свои терять придется. И торговый люд за ними пойдет. Дело известное. Каждый о своей мощне думает, зажрались вороны! Еще кто ходил к Алфею?

– Не видал, – покрутил отрицательно головой Ивар. – Он сам, как поутру из дома ушел, так более и не показывался. А вот вечером, как стемнеет, снова могут собраться у него. Говорили они о торговом люде, правда твоя, Евпатий.

– Ты вот что, Ивар. – Коловрат сгреб в свой мощный кулак худое плечо собеседника и притянул его к себе. – Уши торчком, но будь хитер, как лиса. Слушай все, что говорят, запоминай, кто приходит. И мне все рассказывай. Черное дело задумали.

– Все как есть расскажу, Евпатий. Я тебе жизнью обязан, неужто подведу тебя, защитника нашего. В народе о тебе знаешь что говорят?

– Знаю, – отпустил рубаху Ивара Евпатий. – Народ, он правду видит издали. Она для него как свет солнечный, она через любую тьму пробьется, покажется. Если нынче снова соберутся у твоего хозяина гости-полуночники, ты мне дай знать. Кого из мальцов своих пришли, пусть камушком в окно бросят.

– Все сделаю, как велишь! – заверил Ивар.

– Ступай!

Мрачный, как туча, Евпатий двинулся снова к столам, где пировали гости и именитые рязанцы вместе с князем Юрием. Из подклетей тащили моченые яблоки, откуда-то пахло жарящимся кабанчиком. И эти запахи обильной и богатой пищи раздражали Евпатия сейчас особенно сильно. Именно сытые и богатые в этом городе готовы продать Русскую землю степнякам за право жить все так же сытно, пусть и под пятой ворога. Он почти столкнулся с группой девок в нарядных сарафанах, которые, увидев воеводу, брызнули в разные стороны со смехом.

Евпатий остановился. На верхней ступени лестницы стояла Доляна. Как же она была сейчас красива! Карие глаза смотрели с веселой игривостью, в темно-каштановые волосы были вплетены болотные лилии. Блестящие глаза девушки заставили сердце воеводы биться чаще. И когда Доляна подняла руку и поправила локон у виска, от этого плавного лебединого жеста внутри у Евпатия все сладко заныло. Захотелось прямо сейчас пойти к князю, забыть хоть на день об угрозе из степей, пасть на колени и просить руки воспитанницы.

– Что ты так мрачен, храбрый воевода? – прозвенел чистым родничком голос девушки. – Подруг моих напугал. Улыбнись, ведь сегодня праздник, много гостей.

– Заботы, Доляна, – осипшим от волнения голосом ответил Евпатий. – Они омрачают.

– А мы решили идти на луга, – беспечно ответила девушка. – Будем плести венки и пускать их по реке. Вдруг чей-то веноч поднимет из воды рука суженого! Не хочешь, Евпатий, поймать в реке веноч из луговых цветов?

Воевода понял, что девушка смеется над ним, играет словами, как жеребенок по двору скачет. Он стиснул зубы, стараясь не выдать своего состояния и не в силах тронуться с места. Так бы и стоял рядом с ней, слушал ее голосок, смотрел в эти карие глаза. И тут затопали быстрые шаги по лестнице. Доляна с досадой прикусила нижнюю губку. Еще миг, и возле нее выросли трое молодых воинов, дети боярские, к князю приближенные. И среди них Евпатий увидел Андрея. И в руках он держал несколько цветков лилий.

Улыбка с лица молодого сотника слетела, как листок, сорванный с дерева порывом ветра. Он встретился взглядом с Коловратом, и в этом взгляде была угроза, ненависть. Рука Коловрата прошла по поясу в поисках меча, который сегодня остался дома, нащупала большой нож и стиснула его рукоять. Замерли на месте дружинники, побледнела Доляна. А Живко только недобро прищурил глаза и отбросил в сторону цветы. Лютая ненависть захлестнула Евпатия. Обида за дочь, которая любила Андрея, своя злость, что ему дорожку переходит Андрей, втайне подбирается к Доляне.

Злость застлала глаза Евпатию, он уже ничего не видел вокруг, только кривую усмешку Андрея и его упрямо стиснутые зубы. Рванув нож из-за пояса, Евпатий бросился на обидчика. Лицо Живка было очень близко, но вокруг уже раздавались крики, от страшного удара задрожали бревна крепкой лестницы. Чьи-то руки схватили Коловрата, соскользнули, не в силах удержать, новые руки схватили его за одежды, потащили назад, не смогли повалить наземь. Шестеро еле удерживали разъяренного воеводу, когда пелена начала спадать с его глаз. Он увидел свой нож, на половину лезвия вонзенный в дубовый столб. Как раз в том месте, где чуть раньше была молодецкая грудь Андрея.

Князь Федор Юрьевич стоял между Евпатием и Живком, уперев руки в бока, и мерил взглядом обоих.

– Что удумали на пиру у князя? Удаль свою показать негде? Оба с глаз моих долой! И чтобы светлый день не поганить!

Руки удерживавших Евпатия дружинников ослабли. Один из них подошел к лестнице и попытался вытащить нож Коловрата из древесины. Живко страхнул с себя руки воинов, полыхнул негодуяще глазами и ушел вверх по лестнице. Евпатий проводил его широкоплечую фигуру взглядом. Вот и печаль в дом пришла, подумал он о дочери. Как сказать-то, лебедушке своей, что не люба она ему, что нет у нее жениха теперь. Круто повернувшись, Евпатий пошел со двора.

Возле кузниц, чадивших удушливым черным дымом и оглушающих звонкими ударами молотов, Коловрата догнал Полторак.

– Подожди, воевода! – Юноша схватил Евпатия за плечо. – Что с тобой, ты никак сегодня лишнего выпил?

Коловрат остановился и резко повернулся к Полтораку, обжигая огненным взглядом:

– Не вино во мне зыграло! Обиду мне нанесли горькую, лютую, в самое сердце ударили меня сегодня.

– Это ты сегодня чуть было в сердце не ударил, – с сожалением покачал головой Полторак, протягивая воеводе его нож рукоятью вперед. – Убил бы Живка, князь тебе этого не простил бы. Да и гости там. Князья, братья князя Юрия. Чего вы с ним сцепились-то? Андрей вроде к тебе набивался Ждану просить. Или слово недоброе тебе сказал? Ты в последнее время, как я погляжу, не в себе ходишь.

– Он Жданушку мою на другую девицу променял, – засовывая нож за пояс, ответил Евпатий. – Не любовь в нем говорила, а желание с теми, кто выше его в положении, породниться. И все, Полторак! Об этом говорить больше не будем.

– По-твоему будь, – кивнул молодой человек, идя рядом, положив ладонь на рукоять сабли. – Давно от Стояна вестей не было. Далеко ли ты его послал?

– Не только его послал. До лесов на берегах Воронеж-реки, на Цну послал.

– Так степняки не показываются, – задумчиво пожал плечами Полторак, идя рядом с воеводой. – Неужто новая беда ждет земли русские. Только-только с Черниговом в мире жить стали. С владимирскими и суздальскими князьями биться в широком поле перестали. Сколько ратного люда положили из-за споров меж князьями!

– Да, – вздохнул Евпатий, – когда князь черниговский Ярослав Святославович помер, отошли от Чернигова муромские и рязанские земли. И Пронск поднялся на княжение, и Переяславль, и Ростиславль, и Ижеславль. Только дружбы меж князьями больше не было. А с владимирскими и суздальскими князьями, так с теми бились насмерть. Ты это и сам знаешь, Полторак. Ты мальцом был, когда Всеволод Большое Гнездо сжег Рязань. А я бился под этими стенами. И ведь не чужую, русскую кровь проливали. Сердце болит, когда думаю о том, что Рязань только-только восстанавливать стали – и снова гроза приближается. А возле князя нашего шептуны завелись, которые сладко поют ему в уши, что, мол, откупимся, сговоримся!

– Ты, Евпатий Львович, вот что... – Полторак замолчал, хмуро посмотрев по сторонам. – Ты бы не горячился так, да на людях голоса не поднимал. Беды бы не случилось какой.

– Что? – Евпатий с изумлением посмотрел на Полторака. – Смириться советуешь? Молчать? Такому не бывать!

Топнув ногой, Коловрат свернул к своим хоромам. Шел он быстро, отмахивая правой рукой и стискивая левой рукоять ножа за поясом. Полторак остался стоять, глядя вслед своему воеводе с улыбкой на губах. К нему неторопливо подошли двое дружинников без брони, в одних кафтанах, и саблями на поясах.

– Ну что? – спросил один из дружинников.

– Горяч наш воевода, ох как горяч, – провожая взглядом Коловрата, ответил Полторак. – Не ровен час, беды на свою голову наживет. Вот что, други, надо бы за домом Евпатия посматривать. Как куда он сам пойдет, так поодаль кому-то из нас быть.

– Кто ж с нашим Евпатием в бой-то вступить захочет? Если только кому жизнь не мила! – засмеялся второй дружинник. – Его меч словно молния разит.

– Так ведь то лицом к лицу, – покачал головой Полторак и похлопал снисходительно молодого дружинника по плечу. – У кого душа темная, те лицом к лицу не сражаются. Они норовят со спины подойти.

Евпатий за остаток дня так и не нашел в себе сил душевных поговорить с дочерью. Знал, что Ждана мучается, не понимает, почему ее милый не идет, знать о себе не дает. Язык не поворачивался хулить Андрея в глазах дочери, а ведь знал Евпатий, что придется. Не сегодня, так завтра. Лагода один раз глянула хозяину в глаза и исчезла до самой ночи. Только и видел ее Евпатий, когда она Ждану собирала ко сну, расчесывала девушке волосы. И снова Лагода поняла по взгляду Евпатия, что не ладно у того на душе. Она нашла его, когда Евпатий сидел в большой горнице один за столом и смотрел на свет свечи. Подошла, смиренно присела рядом, коснулась легко мужского плеча.

– Что с тобой, Ипатушка? – спросила кормилица очень тихо, чуть шевеля губами.

И сразу на душе стало как-то теплее и спокойнее. Он повернул голову, посмотрел Лагоде в глаза, в самую глубину ее задумчивых, туманных глаз. И все стало на свои места, стало просто, как не раз бывало в бою, когда он знал, как поступить и что предпринять. Когда был уверен, что победит.

– Не хотел дочери говорить, потому что не знаю, какие слова подобрать для этого, – ответил Евпатий.

– С Андреем что-то? Разлюбил он нашу доченьку?

Лагода сказал это так просто, так обыденно, что Евпатий не стал ее поправлять. Наша доченька! Хорошо, что она так сказала, подумалось Евпатию. Так даже легче. Да и не знал я разве, что кормилица относится к Ждане как к родной дочери.

– Да, разлюбил, – сухо отозвался Евпатий.

– Я знала. – Лагода убрала руку с плеча хозяина и села боком к нему, чуть касаясь бедром его бедра. – И Ждана уже догадывается. Наверное, у них давно разлад начался.

– Ты уж там сама ей скажи, как получится. Тебе виднее. – Евпатий вздохнул полной грудью, как будто большой груз с плеч свалил, и положил свою широкую загоревшую ладонь на пальцы Ладоги.

– Ты... спасибо тебе, горлица ты наша. Что бы мы без тебя делали... я бы без тебя делал?

– Да так бы и жил, – неожиданно с каким-то странным весельем в голосе ответила Лагода. – Жил – не тужил! Привел в дом жену, она бы дочь тебе взрастила, воспитала, женским премудростям научила. И тебе утеха, и в доме порядок...

Евпатий засопел, хмуря густые брови, поднялся как грозовая туча, стиснув кулачищи. Лагода осталась сидеть, глядя на него снизу вверх невинными лучистыми серыми глазами. Наткнувшись на ее взгляд, Евпатий мгновенно остыл, опустил плечи и отвел глаза. Права Лагода, и говорить нечего. Ни жена, ни мать, ни сестра. Но какие слова найти для нее сейчас. Евпатий стоял, глядя в женские глаза, но Лагода решила все быстрее его.

– Отдохнуть тебе надо, Ипатушка, – сказала она, вставая. – Шел бы ты спать, а то ведь кто знает, что завтрашний день тебе приготовит.

Она провела рукой по его щеке, разгладила бороду, чуть улыбнулась и ушла, шелестя сарафаном. Евпатий хмыкнул с улыбкой. Ну вот и все заботушки женской рукой и развеяны, как утренний туман над рекой. Пройдя на свою половину, Евпатий вытянулся на жестком, набитом шерстью матрасе и, заложив руки за голову, стал смотреть в потолок. Сон не шел. Мысли роились в голове, толкались, как скоморохи на ярмарке. Но мало-помалу сутолока в голове улеглась, а потом и сон стал увлекать мысли куда-то в далекие дали, в туман.

Проснулся Евпатий быстро и сразу насторожился. Вот опять засвистел в саду под окнами соловей. Тихо, но заливисто. Какой же соловей поет в начале осени? Евпатий быстро поднялся и подошел к слюдяному окну, чуть приоткрыв створку окна, посмотрел вниз. И тут же от ствола дерева отделилась темная фигура и к стене дома подошел человек.

– Батюшка, Евпатий Львович, – торопливо заговорил человек, – ждет тебя Ивар. Сказать тебе хочет слово важное. Приходи, не мешкай!

Темная фигура шагнула в сторону и сразу исчезла почти беззвучно в ночи. Евпатий еще немного постоял у окна, размышляя. Почему Ивар сам не пришел, кого он прислал? Или это не Ивар, может, кто прознал про их разговоры, проследил кто-то из бояр, кто не хочет встать на защиту Рязани от татар? Да кто же мог прознать? Нет, спешить надо! У Алфея Богучара осиное гнездо в оружейной лавке. Его прихлопнуть надо, а самого Алфея в железе на площадь. Да перед всем народом казнить!

Евпатий двигался в темноте быстро и без шума. Надевать кольчугу он не стал. Подпоясавшись, продел в кольца саблю в ножнах, за пояс сунул два медвежьих ножа. Со стены снял черный кафтан и такую же шапку. Оглянулся, окинув темную комнату взглядом. В ночь иду, подумал Евпатий и взял с лавки кожаный мешочек с огнивом. Спустившись по ступням к двери, он растолкал уснувшего в обнимку со старым боевым топором отрока.

– Спишь, Порошка! – Евпатий стиснул плечо юноши. – Больше не спи, а то уши оторву и на ворота прибью!

Паренек поморщился от боли и опустил голову, скрывая улыбку. Отродясь такого не было, чтобы в доме у боярина Евпатия кого-то секли или наказывали по-другому.

– Я не спал, я к ночным звукам за дверьми прислушивался, – проворчал он, потирая плечо, которое Евпатий все же отпустил.

– Прислушивался? – настал черед Евпатия прятать улыбку в бороду. – Ох, смотри у меня! Открывай мне дверь, только тихо. Я выйду и знак тебе сделаю. Значит, запрешь за мной на все засовы.

– А ты-то куда на ночь глядя, хозяин?

– Цыц у меня! – погрозил пальцев Евпатий. – Не открывай, что бы ни услышал снаружи, понял? На тебе весь дом! Если что, беги будить старших, но дверей не открывай. И не бойся ничего!

– Я-то? – расплылся в самодовольной улыбке Порошка. – Чего мне бояться. Не ты ль меня обучил бою на топорах, на мечях. И из лука я...

– Не пристало похваляться, – снова строго заметил Евпатий. – Ну-ка, что главное...

– Помню, помню, – улыбнулся паренек, – слушать старших и помогать слабым.

Ночь встретила прохладой и стрекотом сверчков. Евпатий посмотрел на звездное небо, по которому ползли черные тени туч. Глаза быстро привыкали ко тьме. Евпатий прошел вдоль стены дома и двинулся вниз к торговой улице. Он старался ступать осторожно, чтобы не хрустнул под ногой камешек. Иногда он останавливался и прижимался к стене ближайшего дома. Или правда кто-то был неподалеку, или мерещилось ему. Евпатий знал за собой многое. И в темноте он видел лучше многих, и человека или зверя чувствовал на расстоянии. Вот и сейчас не давало ему покоя ощущение, что впереди него и позади кто-то есть. И идут так же осторожно, на середину улочки не выходят, стараются держаться стен и высоких заборов. Зря князь всех собак извел в посаде, в который уже раз с горечью подумал Евпатий. И его самого в который уже раз облаяли кобели цепные, да и преследователей его тоже. Вон за стенами надрываются, там чужой и близко не подойдет.

До оружейной лавки Алфея оставалось совсем недалеко, когда впереди в темноте послышался человеческий крик. Это был крик боли, который тут же оборвался. Или удар был смертельным, или человеку зажали рот. Евпатий стиснул зубы и поспешил вперед. Стиснув в руке рукоять ножа, он прислушивался и вглядывался в темноту, как волк, готовый в любой момент отразить нападение врага. Еще несколько неслышных шагов, и оттуда, куда он шел, донесло легким ветерком запах крови. Евпатий весь превратился в слух. От напряжения у него заломило в висках, но он сейчас видел впереди даже следы коры на бревнах высокого забора, как мышь где-то грызет деревянный короб, чтобы добраться до еды. У самой стены амбара стоял человек в темном плаще и шапке. Он прислушивался, поворачивая голову из стороны в сторону. Но ветерком тянуло как раз от него к Коловрату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.